

АЛЕКСАНДР
ПОНОМАРЕВ

Наш принцип

Ковчег (ИД Городец)

Александр Пономарёв

Наш принцип

ИД «Городец»

2019

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Пономарёв А. А.

Наш принцип / А. А. Пономарёв — ИД «Городец»,
2019 — (Ковчег (ИД Городец))

ISBN 978-5-907085-23-7

Сергей служит в Липецком ОМОНе. Наряду с другими подразделениями он отправляется в служебную командировку, в место ведения боевых действий – Чеченскую Республику. Вынося порой невозможное и теряя боевых товарищей, Сергей не лишается веры в незыблемые истины. Веры в свой принцип. Книга Александра Пономарева «Наш принцип» – не о войне, она – о человеке, который оказался там, где горит земля. О человеке, который навсегда останется человеком, несмотря ни на что. Настоящие, честные истории о солдатском и офицерском быте того времени. Эти истории заставляют смеяться и плакать, порой одновременно, проживать каждую служебную командировку, словно ты сам оказался там. Будто это ты едешь на броне БТРа или в кабине «Урала». Ты держишь круговую оборону. Но, как бы ни было тяжело и что бы ни случилось, главное – помнить одно: своих не бросают, это «Наш принцип».

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907085-23-7

© Пономарёв А. А., 2019
© ИД «Городец», 2019

Содержание

Были о липецком ОМОНе	5
Грозный – Липецк. Домой	5
Боевое крещение	10
Мафоны	13
Витька Нежданов	16
Трофим Лямин	19
Первая потеря. Леня	20
1999 г. Алик Белов	29
Вадим Вахромеев	33
Валька Топорков	35
Новолакское	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Пономарев

Наш принцип

Были о липецком ОМОНе

Грозный – Липецк. Домой

Пыль плясала в воздухе, она густым слоем лежала на тенте, на кабине машины, в кузове и забивалась, казалось, всюду: под берет, в складки камуфляжа, обувь, за шиворот. И все тело начинало нестерпимо чесаться. Пыль мелкой пудрой залепляла рот, нос и глаза. Она, смешиваясь с потом, неприятно текла по спине восковой массой. Сергей вздохнул и протер ладонью автомат, бережно прижатый к груди, не забыв поправить кусочек медицинского бинта, которым у него и его товарищей было принято заматывать дуло оружия, чтобы грязь не попадала в ствол. Многие из парней оказались дальновиднее и надели на голову черные маски, предназначенные для спецопераций, и теперь только вертели по сторонам головами, не замечая дискомфорта.

«Урал» надсадно засипел движком и медленно поехал юзом. Машина дернулась и остановилась. Вся колонна встала. Машины, держа дистанцию, ютились вдоль серпантина. Сергей смотрел из кузова автомобиля, как молодой рыжий водитель, плюясь и чертыхаясь, бестолково почесывая затылок пятерней, выскочил из кабины и, пробежав вдоль борта, снял с фаркопа пустое ведро. Затем водитель открыл капот и, пожимая плечами, стал наблюдать за дымящимся двигателем.

– Военный, у тебя вода-то есть с собой? Движок заперешь, – из кузова «Урала» на водителя насмешливо смотрел кареглазый Игорь Воеводин.

Пацан-водитель, вжав шею в плечи, отрицательно покачал головой.

– Понятно, смотри – враг не дремлет. Из-за тебя попадем под молотки, – продолжал Воеводин.

Водитель, чуть не плача, переводил взгляд с одного лица на другое. Ему совсем не хотелось попадать под молотки. Но лица парней в камуфляжах источали равнодушие.

– Ладно, не пугай пацана, – включился в разговор командир взвода, лейтенант Иван Андреев, – на, налеп в систему, через пятнадцать минут Толстой-Юрт. Там зальешь воды во всю тару, какая есть. Понял? – сказал он, протягивая водителю канистру с водой.

Водитель, подпрыгнув кочетом, кинулся исполнять команду. Вылив в движок всю канистру, он, виновато глядя на Воевину, доложил лейтенанту: «Все, товарищ лейтенант, можем ехать».

Андреев, убедившись, что все нормально, встал в кузове в полный рост и показал движением руки: «Все в порядке. Можем продолжать движение». Вообще-то у каждого старшего машины были радиостанции, но при движении в колонне ими не пользовались, доверяя больше дедовскому способу, потому что «духи» прослушивали радиоэфир и пасли все воинские колонны.

Караван, подняв облако пыли, снова тронулся в путь.

Всего полчаса назад колонна вышла из Ханкалы на Моздок, и вот непредвиденная остановка. Сколько еще их будет? Одному Богу известно.

Сергей отвинтил крышечку фляжки и сделал пару глотков. Теплая вода неприятно защипала горло, и возникло такое впечатление, будто глотнул подогретого подсолнечного масла. «Да, – подумал Сергей, – Восток – дело тонкое. Прав был товарищ Сухов».

Сергей закрыл глаза, уставшие от постоянного прищуривания, и воспоминания старой черно-белой киноленты понеслись перед его глазами...

Кто-то громко под ухом Сергея сказал: «Толстой-Юрт». Он открыл глаза. В кузове во весь рост стоял Андреев. Распорядившись насчет дисциплины и выставив двух бойцов в боевое охранение колонны, он громко сказал:

– Стоянка пятнадцать минут, можно покурить и оправиться, – и уже тихонько Сергею: – Серый, ты посмотри тут. Я в кабину пересаживаюсь. Водитель дюже молодой, боюсь, что-нибудь наворочает.

Сергей утвердительно кивнул головой, встал, разминая ноги и осматриваясь по сторонам. Толстой-Юрт – село небольшое, как будто вымерло, только недалеко в поле паслись отары овец. Ничем Толстой-Юрт не был примечателен, разве вот только тем, что он являл собой родину Аслана Масхадова.

Молодой водитель, которого звали просто Сашка, научившись на своих ошибках, мухой метался между машиной и колодцем. Не набрал воды он разве что в рот.

Сергей смотрел, как Игорь Воеводин, сидя на борту кузова, продолжал издеваться над водителем Сашкой.

– А ты знаешь, – проникновенно говорил он Сашке, – что, если ты чего-нибудь накосячишь, наш командир может дать команду тебя расстрелять?

– Как расстрелять? – хлопая белесыми ресницами, отвечал Сашка. – Я же свой.

– Свой-то свой, да только мы с тобой на войне, дружище, прикажет – расстреляют. По законам военного времени. Только я в тебя нипочем стрелять не стану. Я к тебе привык.

– Да я здесь затем же, зачем и вы! – чуть не плача, умолял его Сашка.

– Я все понимаю! – поймав водителя на крючок и улыбаясь одними глазами, продолжал Воеводин. – Но у нас отряд милиции особого – понимаешь? – особого назначения. Мы тут знаешь какие серьезные задачи выполняли? А ты! Водила из мобильного отряда, да тут вашего

брата знаешь сколько? Плюнь – и в водилу попадешь. Одним больше, одним меньше. Какая разница? Никто даже не заметит. Спишут на боевые.

Ребята в кузове посмеивались, пряча улыбки в воротники, но тут раздалась спасительная для Сашки команда: «По машинам!» Водитель, выдохнув, кинулся в кабину и завел движок.

Караван, подняв облако пыли, вновь отправился в путь.

Сергей повторно отвинтил крышечку и глотнул из фляжки. Нет, это невыносимо. Ощущение было таким, как будто выпил расплавленного сапожного клея.

– Товарищ капитан, глотни свеженькой. Только сейчас набрал, – Сергею протягивал баклажку с водой молоденький сержант Петька Кулемин.

Сергей глотнул прохладной влаги, и, как обычно, тут же его поры раскрылись, и по лицу, по телу предательскими струйками потек едкий соленый пот. Сергей благодарно кивнул Кулемину, еще раз вспомнив героя фильма «Белое солнце пустыни»...

Двигатель зачихал по-стариковски, машина начала дергаться рывками. Сергей приоткрыл сначала правый, затем левый глаз. На него недоуменно смотрел сержант.

– Обычное дело, – ответил Сергей на его немой вопрос.

– Чего? – не расслышал тот.

– Я говорю – обычное дело: движку кислорода не хватает. Перевал.

– А, понятно, – закивал в ответ Кулемин, – та-ариш капитан, может, водички прохладенькой? Осталась еще!

Сергей отмахнулся, облизал сухие губы и вновь задремал, кивая непослушной головой...

Поезд с омовцами пришел тогда не в Липецк, а почему-то в Грязи. Бородатая, грязная, вооруженная орда, выскочив на перрон, открыла огонь в воздух из всех видов оружия, причем в ход шли не только ракетницы и сигнальные мины, но и стрелковое оружие. Местные жители, видимо решившие, что война докатилась и до их маленького городка, кинулись в разные стороны, давя и калеча друг друга.

– Там вас, это, к трубочке зовут. Вы уж подойдите, будьте добреньки, товарищ командир, – дергая полковника Атаманова, командира отряда, за рукав и заглядывая ему в глаза, почти в самое ухо прокричал путевой обходчик в помятой куртке.

– Атаманов, вы что там за войну в Грязях устроили? Совсем от рук отбились? Народ все телефоны оборвал, – кричал ему в трубку ответственный по УВД.

– Товарищ полковник, холостыми, салют ребята устроили. Не чаяли, что живыми домой вернуться, – оправдывался командир.

– Холостыми! Ну, это куда ни шло. Только порадовались, и хватит, Аркадий Иванович. Прекращай там эту импровизацию.

Через несколько минут перрон опустел, и только прапорщик Женя Заимкин, изрядно хлебнувший по дороге спиртного, обнимал родную землю, извозившись в вокзальной пыли и размазывая по лицу пьяные грязные слезы...

– Слезайте, граждане, приехали – конец, – пропел, трогая Сергея за плечо, лейтенант Трофим Лямин. Сергей даже не заметил, как колонна остановилась. Трофим, ехавший в другой машине, теребил его, встав на колесо «Урала».

– Проснись, Серега. Станица Червленая. Выйди – разомни ножки. О-хо-хо.

– Сейчас. – Сергей встал в кузове. – Воеводин, в боевое охранение колонны.

– А че я-то, товарищ капитан, – недовольно проворчал Воеводин, но одним прыжком выскочил из кузова на землю.

– Много текста, – кинул ему вслед Сергей и, обращаясь к Трофиму: – Да я здесь постою – покурю.

– Ну, как знаешь, Серый. – И Лямин исчез за бортом «Урала».

Остановка длилась не более десяти минут.

А потом колонна, подняв вверх облако пыли, ушла по направлению к намеченной цели. Караван исчез, а пыль еще долго хороводом танцевала в воздухе, искала объект приземления. Но, не найдя никого и ничего, обиженно улеглась на дорожку, поджидая новую жертву...

Сергей открыл глаза. Песок скрипел на зубах, он перегнулся через борт машины и плюнул.

В кузове стоял хохот. Это Улугбек Алиев рассказывал байки. Улугбек по национальности был казахом. Он служил в рядах Советской Армии в Липецке на военном аэродроме. Был он кинологом, то есть вожатым служебных собак. После, женившись на русской девушке, остался на сверхсрочную, получил квартиру и, заведя шестерых детей, обрусел. Потом судьба привела его на работу в милицию. Про себя он говорил так: «Глаза – узкий, нос – плоский, я совсем как русский». Байки Улугбек любил рассказывать про своего армейского начальника, майора Лыкова, по кличке Лом.

– Представляете, парни, – заливался Улугбек соловьем, – ушел он на пенсию, это про Лыкова, приехал на своем «Москвиче» в часть по каким-то кадровым делам. Вышел из штаба, сел на пассажирское сиденье, достал газету и читает. А сам на часы поглядывает и головой качает. Мол, где же водитель? Все ходят и ржут над ним. Двадцать минут сидел, потом вспомнил, что на пенсии, пересел на водительское место и уехал.

А еще был такой случай: с вечера Лом выпил лишнего и заночевал у себя в кабинете, он всегда так делал, жена у него слыла брюзгой. Выпив много, он говорил: «Останусь в части, не хочу слушать ночную лекцию о вреде пьянства». Так вот, к сути – Лом был человеком довольно преклонного возраста, поэтому, постелив у себя на рабочем столе и раздевшись, впал в кому. А ночью, захотев в туалет, не смог проснуться. Встал он утром и, увидев на столе продукты своего вчерашнего застолья, понял, что случилось страшное. Надо что-то делать: он, отрывая по клочку газеты, брал кусочки своих экскрементов и по чуть-чуть выбрасывал их в форточку. Окончив это мероприятие, он вышел на крыльцо и, сделав строгое лицо, говорит мне: «Алиев, ты за своими собаками лучше смотри! У меня под окном нагадили. Иди, убери за ними, а то воняет!»

– А ты ему что, ну что сказал-то? – Ребята в кузове изнывали, готовясь к финалу.

– А что я, – Улугбек выдержал паузу, почти по Станиславскому, – говорю: «Товарищ майор, я четыре года с собаками работаю, но еще ни разу не видел, чтоб они задницу бумажками вытирали».

Ребята в кузове попадали на пол и только стонали от смеха.

Сергей выглянул из кузова. Караван дружно двигался по равнине. «Лакха Невре», – прочитал он на мелькнувшем дорожном указателе. В переводе на русский это означало Верхний Наур. Теперь можно было немножечко расслабиться. Равнинные чеченцы, которые издавна живут на территориях Наурского и Надтеречного районов, всегда были лояльны к русским. Даже во времена правления Масхадова они считались оппозицией и ратовали за мирные отношения с Россией.

Рядом с Петькой Кулеминым молча сидел старший прапорщик Валерка Чумаков. Сергей вспомнил Валеркины похождения и усмехнулся. Валерик был немного грубоват, но всегда бодр и весел. Всех симпатичных девчонок он называл одноклассницами. Если ему поверить, то его школьный класс состоял, как минимум, из тысячи человек. Он мог спросить у проходящих мимо девушек: «Девчата, а как с вами в баню сходить?» И, услышав в ответ: «Никак!», обиженно кинуть вслед: «Ну и ходите грязными!»

Еще, как-то патрулируя по городу на «уазике», он увидел знакомую девушку с подружкой и решил обозначить свое присутствие. Он открыл дверь автомобиля и крикнул: «Эй, двое, быстро ко мне!» Девчата газанули с низкого старта и, не оглядываясь, скрылись за горизонтом.

Валера не смог догнать их даже на машине. И сколько он ни кричал им вслед: «Да пошутил я! Пошутил!», девушки не слышали его и подбегали уже, наверное, к канадской границе.

Машина притормозила и приняла вправо. Сергей выглянул из кузова. С правой стороны дороги высились две пятиэтажки, с левой расположился большой палаточный городок для беженцев. «Станица Знаменская», – отметил про себя Сергей. Впереди виднелся большой перекресток, на нем высился двухэтажный блокпост. На всех четырех направлениях выставлены шлагбаумы.

Все порядком устали, поэтому остановка длилась не более пяти минут. Колонна, обогнув кольцо, ушла в направлении села Братское.

А Сергей опять провалился в дрему.

Он резко проснулся и попытался подняться, так как со всех сторон была слышна автоматная стрельба. Но, увидев, что ребята вокруг улыбаются и приветственно машут руками, понял, что колонна проезжает Братское, где на блоке расположился Тамбовский ОМОН. Земляки провожали липчан самодельным салютом.

Водители во всей колонне синхронно нажали на сигнал. Караван выехал из Чеченской Республики и держал курс на Моздок, до которого осталось ехать около двадцати минут. Сзади остался крайний блокпост на чеченской земле. А впереди лежали уже родные осетинские просторы.

Колонна остановилась около Мобильного отряда. Омоновцы по очереди спрыгивали на землю. С соседних машин сгружали отрядный скарб и личные вещи. Все смеялись, а вокруг царило веселое возбуждение.

– А вот теперь, военный, дай-ка я тебя расцелую, – Игорь Воеводин заграбастал водителя Сашку и теребил его, – молодец! Вот теперь тебя люблю я, вот теперь тебя хвалю я. Здорово довез.

Сашка смущенно улыбался. Он уже забыл все неприятки, которые случились в дороге, и только, нахмурившись, стучал ногою по баллонам – завтра ему предстоял обратный рейс.

Домой. В Моздоке их уже ждали несколько гражданских автобусов с сорок восьмым регионом на номерах.

Колонна остановилась на выезде из Ростова. Омоновцы лениво и неохотно выходили из «Икарусов» размять ноги и похлебать горячей пищи. Вдоль дороги тянулись ряды придорожных кафе.

– Серый, я уже заказал нам по борщу и по шашлыку, – Сергею махал рукой Трофим Лямин, – только ты угощаешь!

К омоновцам подошли две девушки с заспанными глазами.

– Парни, как насчет продажной любви?

– Нам это ни к чему, девчата, домой едем, к женам. – Игорь Воеводин подмигнул девушкам.

Они с досадой повернулись, отходя в сторону. Тут из автобуса вывалился пожилой водитель. Он держал в руке бублик с маком. Увидев девушек, он оживился.

– Дочка, – теребил он одну из девушек, – хочешь бублик? Угощайся!

– Пошел ты, старый, со своим бубликом, – сквозь зубы прошипела она, – я трахаться хочу! Понял?

Хохотали все. Даже незадачливый водитель сначала стоял, не понимая, за что она его так, а потом махнул рукой и засмеялся вместе со всеми.

В дорогу.

Сергея вывел из оцепенения всеобщий эмоциональный подъем. Ребята, весело переговариваясь, привстали на сиденьях автобуса. Все, как один, смотрели вперед, где показался и дымил трубами заводов родной Липецк, встречи с которым парни ждали долгие три месяца.

Боевое крещение

Липецк. Железнодорожный вокзал. Отряд уезжает в свою первую командировку на первую чеченскую войну.

Полный перрон людей: кто-то отправляется в путь, кто-то руководит, кто-то пришел проводить. Всюду обнимались, целовались, пели песни, плясали, плакали. Пожилые женщины украдкой смахивали слезинки платком, молодухи кричали навзрыд. В кругу людей отплясывала пьяная в слюни девушка. Вокруг звенели стаканы, наливаемые под полой. Бойцы одним махом опрокидывали их и косились по сторонам, как бы командир не увидел.

Сам командир стоял в сторонке и внимательно наблюдал. Его жена и дочка были рядом с ним. Но слушал он их и разговаривал с ними рассеянно, вполуха. Дочка, еще совсем маленькая, прижималась к нему и хныкала только потому, что плачет мама. Впоследствии он категорически запретит своим провозить его, перенеся все сцены прощания домой. Здесь он должен руководить людьми, а ему рвут душу и сердце.

Капитан милиции Аркадий Атаманов всего месяц назад был назначен командиром отряда милиции особого назначения. Капитан – невеликое звание, полковничья должность подразумевала под собой другую кандидатуру. Но грянула первая чеченская, и кандидаты отпали сами собой. А остался только он, умеющий, когда надо, «построить» личный состав, а когда надо – и по голове погладить.

– Принимай отряд, Аркадий Иванович, – сказала ему высокое милицейское начальство, – опыт работы, опять же, образование, засучивай рукава!

Безусловно, харизмой капитан Атаманов обладал. Это признавали все, после того как он проявил себя, тогда еще начальник штаба отряда, в командировке на путче в Москве. Прежний начальник УВД активно поддержал ГКЧП и быстренько отправил Липецкий ОМОН на помощь путчистам. Но закончилось все лопаньем мыльного пузыря. Омоновцы вернулись домой без потерь и потом два месяца отписывались в прокуратуре: зачем попали в Москву и какие задачи там выполняли.

Фактурность от природы и многолетние занятия боксом придавали капитану внешность былинного богатыря. За умение дать сдачи обидчику за ним закрепилось прозвище – Удар Копытом. Пусть кто-то из злопыхателей и называл его за глаза «Урфин Джюс», он просто не обращал на это внимания.

А вот насчет образования... Оно у капитана было не юридическое, год назад он закончил заочно филфак МГУ.

И вот теперь командир оглядывал свое неуправляемое войско. Не мог он прогнать всех этих людей с перрона. Отряд уезжает на войну, и, вернутся ли все его воины назад, известно одному Богу.

Но все когда-то кончается. Закончилось и прощание на перроне вокзала.

Паровоз, дымя трубой, увозил липецких парней в неизвестность. Вагон был специальным, в каждом тамбуре был выставлен круглосуточный пост.

В Моздоке их уже ждали. Отряд был рассажен на три «Урала», и колонна запылила в сторону столицы мятежной республики – Грозного. Въезжая в город со стороны Черноречья, ребята в кузове кутались в полы камуфляжа, ежась от колючего ветра. Звуки дальнего боя неприятно били по нервам, а сам Грозный негостеприимно смотрел на людей пустыми глазницами выбитых окон, как будто оправдывая свое имя.

Липецкому ОМОНу досталась тяжелая работа: охрана ГУОШ – группы управления оперативных штабов. ГУОШ ежедневно и еженощно обстреливался боевиками, и ребята, выставленные в круглосуточные караулы, не смыкали глаз.

Командировка подходила к концу, когда Сергей со своей сменой готовился к очередному заступлению на пост. Старшим поста был прапорщик милиции Иван Татаринов, прошедший Афган. Вместе с Сергеем, кроме Ивана, на пост заступали еще двое бойцов: сержанты Игорь Лопатин и Андрей Ивакин.

Поначалу Сергей боялся обстрелов и кланялся каждой пуле. Но, глядя, с каким спокойствием и невозмутимостью реагирует на это Иван, он успокаивался и нес службу в соответствии со сложившейся обстановкой.

Младший лейтенант Шамаев, старший предыдущей смены, подслеповато щуря красные от бессонницы глаза, показывал пальцем на полуразрушенное здание напротив новой группы, спустившейся в блиндаж.

– Видите, парни, то здание? Последние пятнадцать минут наблюдаю его, и что-то мне там не нравится. Вроде шевеления никакого, но предчувствие нехорошее. Вы повнима...

Договорить он не успел. Земля ухнула и вдруг ушла из-под ног. У Сергея возникло впечатление, что его закружило на карусели. В глазах заплясали белые мошки. Стена блиндажа крякнула и начала сползать на Шамаева.

– Из граника, – крикнул Татаринов, – чего стоим? Лопатин, Ивакин остаётесь здесь! Семенов, со мной! – И Иван нырнул в темноту.

Сергей выскочил из блиндажа вслед за старшим. Вокруг выла и визжала тысяча поросят. Летели куски кирпича и щебня. Сергей упал на четвереньки и, клацая зубами, пополз.

– Не спать! – услышал он голос Ивана. – Бьешь налево, я направо!

Сергей щелкнул затвором и на вытянутой руке, пригибаясь к земле, начал бить из «калаша».

В ушах звенело, металлический привкус во рту мешал сосредоточиться. Сергей, отстреляв рожок, быстро подсоединил другой и бил, бил, бил, а потом долго не мог понять, почему автомат не стреляет. И только тут увидел склонившегося над ним Татаринова. Тот улыбался своей белозубой улыбкой.

– Все. Отбились мы с тобой, братка!

Сергей, все еще ничего не понимая, смотрел на Ивана.

– Я говорю: все, ушли они. Молодец, Серега. Все делал правильно. Только в следующий раз короткими бей. А то закончатся патроны – тут они нас тепленькими и возьмут.

В следующий раз... Сергей неуютно поежился.

– Не из пугливых ты, видать, – продолжал его подбадривать Татаринов.

– Спасибо, Ваня, только насчет не из пугливых – это ты мне льстишь.

– Ничего! В первый раз не у каждого выйдет как у тебя. Я, брат, знаешь сколько на такое насмотрелся? А то, что стрелял из-за укрытия, – это правильно. Мы дома живые нужны. Это только в кино про всяких там Рэмбо, он гвоздит, стоя в полный рост. И в него почему-то никто не попадает. В жизни и на войне, братан, все по-другому.

Иван и Сергей спустились в полуразрушенный блиндаж. В углу на раскладушке лежал Шамаев, над ним склонились бойцы. Лопатин перевязывал лейтенанта, Ивакин поддерживал голову. Шамаев глухо стонал, на его перебинтованном плече проступали пятна алой крови. Лопатин поднял на вошедших мутный взгляд.

– Ну, что там?

– Не бздеть, пацаны, в этом бою мы опять победили! Нет у них методов против Кости Сапрыкина! – Татаринов подошел к раненому, пощупал пульс, посмотрел зрачки.

– Ничего, жить будет, – ответил он на немой вопрос Лопатина. – Промедол кололи?

– Два шприц-тюбика. Не много? – подал голос Ивакин.

– В самый раз. Молодцы, ребята. Значит, так: берете раненого и транспортируете его на «базу». Командиру доложить все как было. Вопросы?

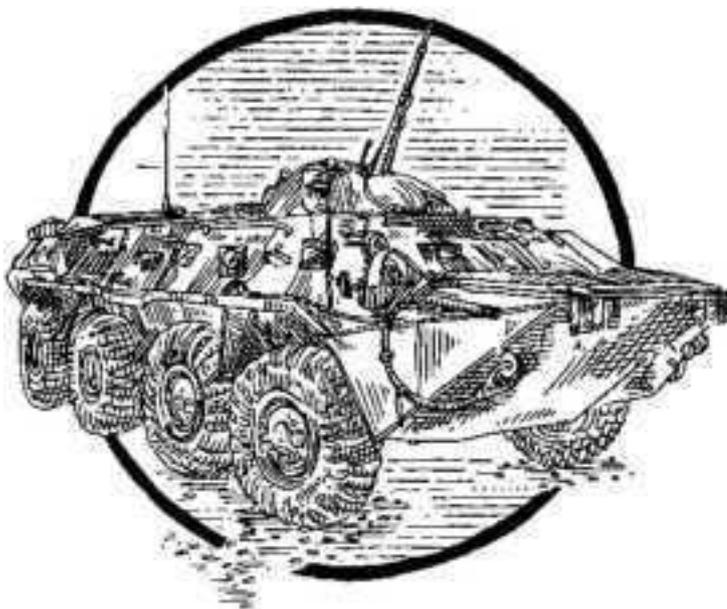
– Есть вопросы. Как доложить-то?

– Правильный вопрос, – улыбнувшись, ответил Татаринов, – голова бойцу дана не только, чтобы берет носить. Боец должен отбить атаку и, главное, грамотно доложить по команде. А доложите так: в 19:07 пост подвергся обстрелу из гранатомета и стрелкового оружия. В результате обстрела был ранен младший лейтенант милиции Шамаев. Остальной личный состав бодр и готов нести службу в полном объеме. Понял, дружище?

– Понятно, – улыбнувшись одними глазами, сказал Лопатин. Ивакин в это время, сокрушенно качая головой и бурча что-то себе под нос, осторожно поднимая, взваливал себе на плечи Шамаева.

Секунда – и бойцы исчезли в темноте. Сергея пробирал озноб. Зубы стучали не то от холода, не то от пережитого страха.

– С боевым крещением тебя, Серега, – обнимая его за плечи, молвил Иван Татаринов.

Мафоны

Колонна на трех коробочках входит на окраины села Комсомольское. Впереди идет танк. Танкист лихо поворачивает машину на колее, выбитой десятками единиц автотранспорта.

При въезде в село колонна притормаживает. Посередине улицы, на раскладном стульчике, в удивительно чистом, как будто только что из магазина, камуфляже сидит человек. На плече его формы – шеврон: щит и меч и крупная надпись – ОМОН. Броник, сфера, автомат и разгрузка аккуратно уложены рядом на землю. Парень внимательно читает свежий номер «СПИД-Инфо». То, что происходит вокруг, его, видимо, совсем не волнует.

Офигев от такой картины, командир липчан майор Сидельников, спрыгнув с БТРа, задает парню резонный вопрос: «Дружище, наши где?» Омоновец, не отрывая глаз от журнала, неопределенно жмет плечами.

– А вообще здесь кто-нибудь есть? – продолжает удивляться Сидельников.

– Да не знаю я. Может, есть, а может, и нет! – Парень очень недоволен, что его отвлекают от занимательной статьи.

– Зашибись, – только и сказал командир.

Колонна, фыркнув, уходит в сторону близлежащего села Шалажи. Комсомольское вторую неделю занято боевиками.

Отряд размещается в палатках, заботливо поставленных тыловиками на свежий снег. В первый же день внимание омоновцев привлекли люди в форме, бестолково шатающиеся вокруг лагеря. На вопросы они не отвечали, а только пугливо убегали. Командир уже хотел поднять тревогу, когда к нему подошел юный лейтенант и устало представился: «Командир взвода андроидов, лейтенант Леха».

Солдаты-срочники из саперного взвода лейтенанта Лехи будут все время жить рядом с омоновцами. Командир Сидельников приказывает старшине подкармливать солдатиков.

Старшина, пожилой дядька, вздыхая, смотрел, как парнишки стучат ложками и в мгновение ока опустошают миски. У него тоже был взрослый сын, который служил в армии где-то в Приморье.

Наутро начиналась тяжелая мужская работа – штурм Комсомольского. Под прикрытием бронетехники омоновцы отделениями по шесть – восемь человек отвоевывали у бандитов улицу за улицей, околицу за околицей. Ночевали парни здесь же, в одном из занятых домов. Сферу под голову, спальник на пол – так незатейливо и спали. Очень удивляло ребят то, что каждый дом, каждая надворная постройка в селе были превращены в доты, дзоты и мини-крепости. Везде имелись подземные коммуникации, стены были обложены многочисленными мешками с песком. Короче, готовились к осаде здесь задолго.

Ночью из занятой боевиками части села слышались воинственные вайнахские песни. Оттуда снайперы чалили рассеянных и бесшабашных. Солдатики, как оказалось, очень безбашенный народ, частенько хулиганили: могли показать противнику голую задницу, а могли чего покруче. Снайперы, увидев такую картину, сначала роняли наземь СВД, а поняв, что к чему, приходили в бешенство и начинали, громко ругаясь, стрелять куда попало, по любому движению. Срочники, добившись своего и посмеиваясь, ложились спать. Новый день был похож на предыдущий, а тот, в свою очередь, на последующий. День сурка.

Однажды к Сергею подошел командир второго взвода – старлей Генка Барыбин.

– Серег, пойдём. Нас командир к себе кличет.

– Зачем, не знаешь?

Генка неопределенно пожал плечами: «Чего гадать? Там узнаем».

– Сегодня ночью пришла шифротелеграмма из Мобильника, – начал командир. – Поедете вдвоем. Сказали: прибыть для получения подарков к 23 февраля. Короче, к делу, поймаете вертушку – и в Грозный.

– Ну, ты, Василии, скажешь, – возмутился Барыбин, – поймаете вертушку! Как будто это мотор поймать на Театральной площади.

– Не мне вас учить, вертолетчики от нас в километре стоят. Возьмете у доктора спирту, сколько нужно, и вперед. Я вас больше не задерживаю, – отрезал Сидельников.

Доктор из медотдела УВД, прикомандированный к ОМОНу, попался очень нервный. Но, надо отдать ему должное, спирта у него было немерено. Причем, где он его прятал, остается тайной и по сей день. Этот жидкий «адаптоген» военврач употреблял в одно лицо. Носил он очки в толстой роговой оправе и сизый нос на своей физиономии.

Однажды эскулап возвращался после очередного обильного возлияния, выбравшись из объятий Морфея, в свой номер-люкс. А надо вам заметить, что продукты отряда хранились здесь же, в землянке. И так как шел он походкой неуверенной, оступившись, влип таблом прямо в коробку со сливочным маслом. После чего помещение потряс первобытный вопль: «А-а-а, ослеп. Ничего не вижу. От водки ослеп. Помогите-е-е!» Сначала началась всеобщая суматоха, но, когда разобрались, в чем дело, – разуверять его не стали. Пожалели, посочувствовали и, оставив врача один на один со своей бедой, легли спать. Причем кто хихикал, кто давился смехом, а кто откровенно ржал. Доктор, мгновенно протрезвев, на ощупь добрался до печки и сел горевать. Вот тут-то к нему вернулось самообладание: от тепла масло растаяло. Он протер очки и, бурча что-то себе под нос о человеческой неблагодарности и о скорой мести, упал на свою шконку и потом долго обижался на ребят.

Дать парням спирт он отказался наотрез. Но ребята были не лыком шиты и выдали ему заранее придуманную версию дальнейших событий: «Ну, не знаем, Вадим. Командир сказал, если не дашь, это твои проблемы. Тогда сам лети в Грозный!» Доктор, сразу испугавшись, отвалил напиток по полной программе – целую пятилитровую канистру.

Проблемы начались сразу же. Один из вертолетчиков, хлопнув себя по ляжкам, выдал: «Да вы че, пацаны. Погода ж нелетная. Сами два дня в воздух не поднимались. Туман».

Второй пилот даже не удостоил омовцев взглядом, он лишь вздыхал да отрешенно отмахивался прутиком от комаров. Но нет препятствий патриотам. Выслушав все «за» и «против» и отведав силушки богатырской, летчики решили: полетим, но задерживаться там не будем. «На все про все у вас, парни, два часа, дольше не ждем», – сказал второй пилот, нежно обнимая трофейную канистру со спиртом.

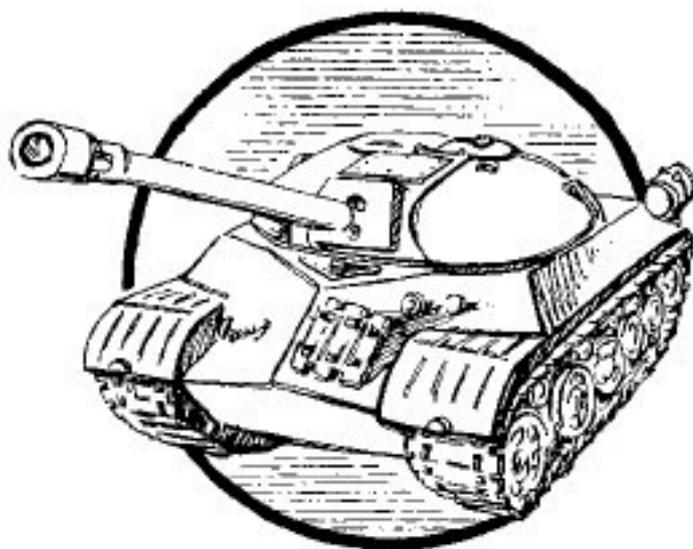
В Мобильном отряде их, оглядев с ног до головы, пожурил пожилой полковник: «Что за вид? Небриты, камуфляж грязный, обувь не чищена. А еще офицеры, на вас ведь личный состав смотрит!» И пошел по коридору, недовольно качая седой головой. Что могли ответить ему офицеры? Разве только, что питьевой воды не было совсем. От услуг протекающей рядом речушки Гойты отказались в первый же день. Набрав воды в кружку и увидев в ней все цвета радуги – вылили обратно. Такой палитрой только акварели писать. Собирали чистый снег и, растопив на печурке, получали воду. То и пили. Побриться, постираться – об этом и речи не было.

Подарками к 23 февраля оказались два аудиомagnитофона. Недовольный интендант, пряча красные глаза, показал, где расписаться, и захлопнул пыльный журнал: «Магнитофоны получите на складе», – буркнул он. Единственное, что радовало омовцев, – то, что в два часа они уложились.

Назад летчики летели пьяными в драбадан и дуэтом орали за штурвалом: «Ой, мороз, мороз...»

– Ген, как ты думаешь, долетим? – Сергей обернулся к своему напарнику.

– Не мешай, Серег, я «Живый в помощи» читаю...

Витька Нежданов

В следующую командировку на Северный Кавказ Сергей не попал, он готовился к поступлению в институт на заочное отделение. О произошедших там событиях он знал из рассказов своего друга Витьки Нежданова.

Виктор Нежданов тоже, как и Сергей, начинал службу в ОМОН с должности милиционера-бойца оперативного взвода, хотя и имел высшее образование. Но в то время офицерских должностей в отряде было очень мало. Видимо, со вступлением нашей страны в вооруженные конфликты в спецподразделениях появилась надобность, и штаты отряда были расширены. Комплектование, как уяснил себе Сергей, было скопировано с воинского подразделения. Вот тут и появилось место для Витьки. Он пришел к командиру с рапортом о переводе на другое место службы, где ему предлагали должность участкового инспектора милиции.

– У тебя что, образование какое-то есть? – прочитав его рапорт, устало спросил Атаманов.

– Что значит какое-то, Аркадий Иванович? Высшее – педагогическое, – ответил Виктор.

– Так куда же ты уходишь? У нас и в отряде офицерских должностей полно. – Он поднял телефонную трубку – Дежурный? А ну позови-ка мне капитана Иванова.

Через минуту в кабинет командира, тихо постучавшись, зашел Иванов, который занимал должность инспектора отдела кадров.

– Вот, Иванов, бери хлопца и обучай его. Ты, как я слышал, переходишь на более спокойную работу. – Атаманов достал пачку сигарет и щелчком выбил одну из пачки.

– Да я, товарищ майор, из-за командировок. Жена против, – почему-то покраснев, начал оправдываться капитан.

– Вот-вот, я и говорю. Пока парня не обучишь, не отпущу, – отрезал командир.

Надо заметить, ученик из Виктора получился отменный. Через два месяца он разобрался в кадрах лучше ленивого Иванова, а через год мог заткнуть за пояс любого кадровика в области.

Руки в чернилах, всклокоченные волосы, красные глаза из-за многочасовой работы на компьютере и отсутствующий взгляд – вот полный Витькин портрет. Когда он был занят работой, обращаться к нему было бесполезно. Но, закончив что-нибудь сложное, Виктор, довольно улыбаясь и сияя глазами, мог спросить: «Серег, ты мне что-то говорил, кажется?» Еще Витька мог уйти на работу в домашних тапочках или перед уходом домой долго заламывать набок форменный берет, но, увидев, что в гражданке, бросить его на шкаф. Сергей называл Витьку «рассеянный с улицы Бассейной», потому что его светлая голова всегда была занята мыслями о работе.

Виктор со своими боевыми товарищами был направлен в очередную командировку. Но их почему-то на два дня задержали в Моздоке. Затем все отряды, коих насчитывалось около пятнадцати, были выстроены на военном аэродроме.

Увидев, какая началась суматоха, Виктор спросил у омовца, охранявшего взлетную полосу:

– Дружище, не знаешь, кого ждут?

– Ты че, братан, не разумеешь? Все бегают, обоссавшись, видать, какое-то худило мучное должно прилететь, – ответил ему омовец.

Вертушка, сделав круг над аэродромом, приземлилась. Из нее, после многочисленной охраны, вставшей кругом, вышла небольшая, но очень представительная правительственная делегация. Витька, открыв рот, смотрел на лица людей, которых неоднократно видел на телевизионном экране. Из всех выделялся и ростом, и фактурой бывший генерал, а нынче модный политик.

Он подошел к выстроенным милиционерам, дождался тишины и знаменитым тембром начал свой спич.

– Солдаты, – сказал он, – я обещал остановить войну! Ей конец. Два часа назад в Хасавюрте подписаны соглашения с правительством Чеченской Республики Ичкерия о прекращении боевых действий!

Здесь генерал сделал паузу, видимо, он ждал криков «Ура!» и подбрасывания вверх чепчиков, но строй парней в камуфляжах хранил молчание. Все понимали, что еще день-два, и война бы закончилась, силы боевиков были на исходе, им как воздух нужно было перемирие. И потом, поднабравшись сил и отдышавшись, они начали бы новый виток боевых действий. Как, впрочем, и произошло в дальнейшем, но этим событиям суждено было случиться тремя годами позже.

А сейчас, по мнению многих политиков, политологов и простых обывателей, сильная личность волевым решением прекратила кровопролитие – ура, ура, ура.

– Солдаты, – продолжал генерал, – теперь воевать вам нет надобности. Но, как вы сами понимаете, в республике набирают обороты криминалитет и преступность. Посему в ваши обязанности будет входить охрана общественного порядка в городе Грозном и его окрестностях, совместно с милицией свободной Чечни.

Тут из общего строя ОМОНов и СОБРов вышел командир одного из сибирских подразделений спецназа. Оглядев правительственную делегацию, он обратился к генералу лично.

– Товарищ генерал, – сказал он, – город Грозный и его окрестности политы кровью моих подчиненных. Поэтому, если в нашей работе нет надобности, я умываю руки. Охрана общественного порядка – обязанности ППС, а моему СОБРУ здесь делать нечего.

Он повернулся назад и, скомандовав своему отряду «Кру...гом!», ушел, высоко подняв голову, сопровождаемый своими парнями.

Десять минут – и на взлетной полосе аэродрома остались только два ОМОНа: Липецкий и Владимирский. Командиры обоих оказались жидковаты.

Липецким парням командиром в этот раз достался подполковник милиции Сергей Царев – человек пожилой, пугливый и очень большой любитель перестраховаться.

Ребята были размещены в мусульманском центре, причем на первом и втором этажах жили чеченские милиционеры, а проще говоря, бывшие боевики, не успевшие переодеться и сбрить бороды, а на третьем – владимирцы и липчане.

В городе творилось всеобщее ликование: люди танцевали лезгинку и воинственные вайнахские танцы, все поздравляли друг друга с тем, что маленькая Чечня выиграла войну у большой и сильной России. Оружие с грузовых машин раздавали всем желающим. Разрешением на его ношение зачастую служила справка, написанная на клочке грязной бумаги по-чеченски или по-арабски, без подписей и печатей.

Ребята совместно с чеченцами несли патрульно-постовую службу по городу И, надо вам сказать, чеченские милиционеры относились к нашим вполне уважительно и, если возникали эксцессы с местными жителями, в обиду не давали.

На обратном пути паровоз остановился в Минеральных Водах. Стоянка длилась около тридцати минут. Три офицера, в число коих входил и Витька Нежданов, вышли в тамбур, чтобы хлебнуть белого чая вдаль от посторонних глаз. Спирт был налит в большую литровую алюминиевую кружку. Проходившая по перрону старушка, торговавшая раками, увидев людей в военной форме, спросила:

– Сынки, вы с войны едете?

– С нее самой, мамаша, – ответил ей молодой лейтенант Саня Ибрагимов.

– Спасибо вам, сыночки, что защищаете нас, – и старушка протянула омовцам большого живого рака, – угощайтесь, миленькие.

– Чего с ним делать-то? – Витька смотрел на товарищей.

– А давайте его в спирт кинем, – озорно подмигнув, сказал Ибрагимов, – говорят, когда рака в водку кидаешь – он сразу краснеет. А потом приколем кого-нибудь.

Сказано – сделано. Рак действительно тут же покраснел и только тупо шевелил усами на дне кружки. И вот тут, как по писаному, на ловца пришел зверь. В тамбур в майке и клетчатых тапочках ввалился, о ком писали все газеты, подполковник Царев – собственной персоной.

– Иваныч, хлебни из нашего кубка, – сотрясаясь от внутренней дрожи, протянул кружку подполковнику Саня Ибрагимов.

– А че это? – осторожно спросил Царев.

– Это наши слезы, Иваныч, – продолжал Саня.

– Понятно, – Царев понимающе подмигнув, – можно. – И подполковник доверчиво поднес кружку ко рту. Но, увидев на дне емкости огромное скрюченное чудовище, шевелившее щупальцами и зыбившее на него из небытия, Царев, содрогнувшись, уронил кружку на пол и, громко икнув, умчался в ужасе, голося что-то нецензурное и махая руками. Видно, подумал, что его посетила «белочка».

– Испили, блин, чарочку. – Витька укоризненно посмотрел на своих товарищей, подбирая кружку с пола. Но товарищи тряслись от хохота, повалившись набок и вытирая слезы...

Трофим Лямин

Вообще, Трофим Лямин больше всего соответствовал представлениям Сергея о сотрудниках ОМОН. Если можно было назвать его шкафом, то только двустворчатый и с антресолями. Высокий, стройный, широкоплечий и очень симпатичный внешне, Трофим в новом камуфляже, сияющих как зеркало берцах и заломленном набок черном берете на городских праздниках и мероприятиях вызывал у гражданских парней черную зависть. Про девчонок и говорить нечего: многие из них подолгу не могли оторвать глаз от Трофима.

Кроме того, любил он выпить водки, а выпив, становился неуправляемым. Много раз стоял вопрос о его увольнении из органов, но его спасали природная доброта и готовность всегда прийти товарищам на помощь.

Однажды, на дне рождения одного из офицеров, Трофим, хлебнув белого чая, вышел из-за стола и направился в свой кабинет, дабы переодеться в гражданку и убыть домой. Подойдя к своему шкафу и открыв его, Трофим начал непослушными пальцами расстегивать пуговицы форменной рубашки. На обратной стороне двери висело большое зеркало. Увидев незнакомого человека у себя в шкафу Трофим задал резонный вопрос: «Эй, земля, ты чего в моем шкафу прячешься?» Зеркало хранило молчание. «Ты че в шкаф забрался, гад?» – крикнул Лямин и, размахнувшись, ударил незнакомца по морде. Зеркало разлетелось вдребезги. Из пудового кулака Трофима брызнула кровь. «Ах, ты еще и дерешься!» – и Трофим, обхватив шкаф двумя руками, ловко бросил его через бедро. На шум сбегался весь офицерский состав, но Лямин уже спал, нежно обняв шкаф и сладко похрапывая во сне...

Первая потеря. Леня

Отряд уезжал в Дагестан. На вокзале собрались многочисленные родственники, провожавшие ребят. К водителю Ленке Брянскому пришло все семейство, даже тети и дяди, которых Леня видел только на черно-белых фотографиях, где они были молодыми, а сам будущий милиционер лежал в люльке и пускал пузыри. «Вот ведь – никогда такого не было», – как бы извиняясь за такой наплыв близких, разводил руками Леонид.

Командиром отряда был назначен штатный замполит, подполковник милиции Николай Миронов. Росту он был выше среднего, отличался ярко-рыжей шевелюрой и глубоко посаженными глазами. Родом Миронов был из Туркмении, всю жизнь подполковник прослужил на зоне, в системе управления по исполнению наказаний, поэтому был немногословен и хмур. Спиртного он не пил категорически, но цвет его лица выдавал в нем человека, который длительное время конкретно сидел на стакане. Зато курил он постоянно и вечно закладывал за нёбо насвай. К подчиненным он относился не очень-то, поэтому за глаза его называли птицей большого помета.

Почему-то прицепной вагон с омовцами долго стоял на запасных путях, полдня их продержали в Мичуринске, еще больше в Волгограде. Пораскинув мозгами, Сергей понял, что никакой спешки нет из-за того, что война осталась в недалеком прошлом. Ехали они охранять административную границу между Дагестаном и мятежной Чечней. Да и интенданты из отдела грузоперевозок, как всегда, что-нибудь напутали. Жара стояла жестокая. Пыль в вагоне была грязной и липкой, окна не открывались, поэтому, когда в Астрахани ребята высыпали на перрон вокзала, открыли гидранты и устроили помывку прямо на путях, пассажиры, проходившие мимо, тактично отворачивались, видно, не впервой им было наблюдать такую картину.

В Кизляре, куда пришел поезд, их уже ждал тыловик из группы оперативного управления. Ребята разгружали вещи из вагона, а их уже со всех сторон атаковали местные жители, предлагавшие омовцам черную икру, балыки, коньяк и сушеную рыбу – за полцены, как родным.

– Командир, – тыловик обращался к Миронову, вытирая платком толстое красное лицо, – ты, это, скажи своим бойцам – пусть у них ничего не покупают, им тут втридорога всуруют. Уф-ф, ну и жарыща сегодня.

За липчанами приехали три «Урала» из Кизлярской тактической группировки.

– Далеко ехать-то? – спросил Сергей у молодого кареглазого водителя.

– Нет, километров сэм-восэм. Где-то так, – почему-то весело смеясь, ответил тот.

«Уралы», обдав местных жителей струей дыма и соляры, попылили по дороге. А те разошлись, в свою очередь, судача о том, что принесла, мол, нелегкая этого толстого тыловика, и вздыхая, что ничего продать сегодня не удалось. Ну да ладно – завтра будет новый день и новая пища.

Автомобили небольшой колонной провезли омовцев по грязному заштатному городку и выскочили на трассу проходившую среди бескрайних ногайских степей.

Ребята вертели в разные стороны головами, читая на дорожных указателях незнакомые, чуждые для русского произношения названия: Бабаюрт, Кочубей, Хасавюрт, Малгобек.

Машины, проехав с час по оживленной трассе, дружно свернули в поле, и вот тут-то Сергей понял, что такое на самом деле пыль ногайских степей. Разглядеть что-то в этой завесе было просто нереально. Поэтому, закрыв руками лицо, пришлось проехать еще минут двадцать.

Посреди степей стоял небольшой барак, рядом, в десяти метрах, искрилось озеро. К Сергею подошел капитан из Волгоградского ОМОНа, которых приехали менять липчане.

– Здорово, земляки. Ну, как вам место дислокации? – спросил он.

– А что? Бывает лучше? – Сергей смотрел на капитана.

– Бывает и похуже, земля. Повезло вам. Рядом с водой – это здесь самое главное.

Как был прав волгоградец, Сергей понял много позже, когда слышал в эфире радиообмена, как соседние с ними отряды костерят почему зря тыловики, которые задерживали привоз питьевой воды.

– Здесь хозяином – дед-хохол, – продолжал капитан, – у него бахчи. Этот барак он выстроил еще до войны для сезонных рабочих. А потом его «чехи» притеснять стали: то кошары подожгут, то урожай «помогут» собрать. Видишь? Село чеченское огнями светится – Сары Су. До него по степи километров пять. Так вот. Дед съездил к начальнику Кизлярского райотдела милиции и договорился: пусть, мол, у меня омовцы живут, я за это платы брать не буду, а они мне будут защитой и опорой.

– А озеро здесь откуда? – Сергей внимательно слушал волгоградца.

– Да Терек разлился лет пятьдесят назад. Так и осталось озеро, да еще и родники снизу бьют. А вот, чуть не забыл. Здесь раньше зверосовхоз был – нутрий разводили. Не знаю, как, но одна из них выжила. Машкой ее кличут. Вы ее не убивайте, она ручная совсем, да и какая-никакая тварь Божья. Бросьте ей хлебушка, она хорошая.

Прием-сдачу произвели очень быстро. Волгоградцы сели в «Уралы» и, помахав на прощанье, уехали в степь, чтобы через пару дней возвратиться в свой город на Волге.

Липецким омовцам были поставлены задачи по охране и обороне административной границы. Километрах в семи по степи на трассе в землю был вкопан самодельный шлагбаум. Около него вырыт котлован, в котором размещалось три вагончика. Котлован был обнесен деревянными столбами, на которые была натянута колючая проволока.

На этом, довольно импровизированном, блокпосту и предстояло нести службу липецким парням.

Граница была условной, только на бумаге, а попросту ее не было вовсе. На другой стороне виднелась чеченская таможня. Таможенники вели себя очень независимо. В их обязанности входил досмотр всех грузов, ввозимых в их маленькую мусульманскую республику, в которой в тот момент действовали очень строгие шариатские правила. Но с россиянами они поддерживали довольно дружеские соседские отношения и частенько по вечерам приходили погреться к костру и поболтать со своими вчерашними врагами. Причем чувство юмора у чеченцев отсутствовало напрочь. В этом Сергей убедился, подслушав однажды такой разговор.

– Вот одежурю, – говорил, дымя папиросой, один из сыновей свободной Ичкерии, – возьму аутомат, возьму СВД и поеду у горы на охоту.

– Ты только изоленты возьми с собой побольше, – озорно щури зеленые глаза, отвечал ему один из липчан, Ришат Валеев.

– Зачем это? – не понял подвоха таможенник.

– На лицо намотать, а то потрескается от счастья, – вторил ему Валеев.

– А-а-а, я-то думал – рожки от аутомата перематывать.

Костер пыхнул от хохота, вместе со всеми смеялся и таможенник, не понявший насмешки.

А надо вам заметить, что чеченца, говорящего по-русски, можно моментально отличить от других кавказских народностей. Все фразы они говорят с придыханием, как будто выплевывая их. Такой уж у них артикуляционный аппарат.

На блокпост выставлялся взвод около десяти человек, во главе с офицером. Остальной личный состав занимался укреплением постов на фермерском хозяйстве, где жил основной отряд, и охраной себя любимых.

В этой командировке Сергей очень сдружился с командиром роты майором Саней Слободным. В отряд Александр пришел почти перед самой командировкой. Росту он был выше среднего, серые глаза, орлиный профиль, волосы цвета воронова крыла и волевой подбор-

док характеризовали его как грамотного офицера, прошедшего огонь и воду. В свое время Саня с отличием окончил суворовское училище и без экзаменов был принят в Рязанское военное командное училище воздушно-десантных войск, о котором он мечтал с детства. Причем военные науки давались ему без труда. Училище Саня тоже закончил с красным дипломом. Потом пришлось ему послужить и поучаствовать. Мотало его по просторам нашей необъятной Родины во всех направлениях. Прошел воин-десантник и Карабах, и беспорядки в Тбилиси, и Приднестровье. А когда совсем перестали платить военным, он решил осесть в родном городе. Благо служить оставалось пару лет, а армейский стаж шел в зачет милицейского. Устраивался в отряд Саня около полугода, и если бы не опыт и настырность кадровика Витьки Нежданова, не попал бы Саня в милицию – запросы на него были посланы в десятки мест, и в конце концов личное дело его раздулось до размеров «Войны и мира». А предложения сыпались на него как из рога изобилия. Предлагали Сане работу и начальником службы безопасности в банк, и начальником охраны в супермаркет, где работать надо было несоизмеримо меньше, а платили несоизмеримо больше. Но Саня выбрал должность ротного в Липецком ОМОНе. Судьба.

Перед самой командировкой в роту Слободина был назначен заместителем капитан Володя Аникин, который пришел в отряд из ППС. Не раз Сергей видел, как Саня и Володя сживали вместе на лавочке и покуривали, причем ротный учил своего товарища азам военной науки, а зам рассказывал Сане о специфике милицейской службы.

Володя Аникин окончил Минскую высшую школу милиции. Об учебе он всегда рассказывал интересные и смешные истории. Например, такую.

– Однажды, – рассказывал он, шевеля русыми усами, – шли мы по городу. Видим, объявление висит. Написано на листочке шариковой ручкой «Продаю детскую коляску», а под ним телефоны. Один наш корешок – бабник и балагур – возьми да и оторви телефончик. Зачем? – спрашиваем. А он смеется и говорит – увидите, мол. И вот вечером в казарме он говорит, так невзначай:

– Эх, ребята, познакомился я с одной кралей, ну все при всем, горячая, как необъезженная кобылица. Даже вспоминаю ее сейчас, а у самого мороз по коже.

Наш боевой товарищ – грузин, Гоги его звали, – так и завелся. Познакомь, говорит, а у самого аж уши покраснели. Ну, тот ему и отвечает: «Для друга, Гоги, ничего не жалко, вот телефон. Но только смотри, пароль такой. Звонишь – спрашиваешь: у вас детская коляска продается? Замужем девка. А если говорит, мол, да, продается, значит, муж в отъезде – фарватер свободен».

На следующий день казарму потряс вопль: «Где этот гад? Я его зарежу».

И наш Гоги, побелевший от гнева, мечется по комнате, готовый и вправду расправиться с шутником.

Мы его еле остановили, а когда парень поостыл, спрашиваем: что, мол, случилось-то, рассказывай.

– Звоню по телефону, – говорит грузин, – спрашиваю: коляску продаете? А голос женский, приятный такой, говорит, продаем – приезжайте, говорит, по такому-то адресу. Ну, я купил цветы, шампанское. Приезжаю по адресу, дверь открывает дэвушка в халате, такие формы, вах, у меня даже голова закружилась. Проходите, говорит. Я цветы ей протягиваю, вам, говорю. Она: что вы, что вы, стоило ли? Я шампанское на стол, а сам раздеваться начинаю. Она мне говорит: у вас мальчик или девочка? Я ничего не понимаю, думал, может, тоже пароль какой? Начинаю еще быстрее раздеваться. Тут из соседней комнаты мужик с коляской выходит, здоровенный. Вах, чудом ушел, чудом. Где он? Я зарежу его...

В обязанности Сергея в этой командировке входили ежедневные вояжи в Кизляр. Лето в тот год выдалось очень жарким даже для видавшего виды Дагестана. Столбик термометра зашкаливал за пятидесятиградусную отметку. Ребята в шутку клали одноразовые зажигалки

под прямые солнечные лучи. Минута – и бах, зажигалка взрывалась, как пиропатрон. Поэтому, когда Сергей в кабине «Урала» ехал в город и обратно, он с водителем Ленькой Брянским открывал в машине все окна, а иногда и двери, чтобы не засохнуть. В Кизляре в группе оперативного управления через день назначались совещания, еще получение продуктов и ГСМ, да и по рынку приходилось пошататься, купить что-нибудь для отрядных нужд и по просьбам сослуживцев.

В боевое охранение машины все время брали разных омовцев, человека по три в кузов. Но из всех выделялся молодой сержант Игорь Бровкин, по прозвищу Человек-война. Деревянный приклад своего автомата Игорь в самом начале командировки изрисовал фломастером в камуфлированные пятна – для маскировки, авторитетно заявлял он. Носил натовский маскхалат, причем капюшон все время напяливал на голову. Но самым пиком его обличил были солнцезащитные очки. Когда в них попадали солнечные лучи, высвечивалась голограмма – череп с костями. Дагестанские мальчишки, увидев такой шик, просто открывали рты и без зазрения совести в упор рассматривали Игоря, а он, не замечая никого вокруг, дефилировал походкой Шварценеггера.

Причем во время пути Игорек все время норовил сесть на край кузова и упирал рожок своего «калаша» на крышу кабины. Убрать его оттуда было невозможно. «А вдруг обстрел? – говорил он. – А я наготове». У Сергея складывалось такое впечатление, что будь война с какой-нибудь совсем уж крошечной республикой, то Игорек победил бы всех вообще один.

Несколькими годами позже Сергей провожал на липецком вокзале родственников в Москву. Поезд отходил поздно, поэтому было совсем темно. Сергей решил прикурить сигарету, как вдруг из темноты на него свалилась огромная туша. «Аллилуйя, – кричал человек, обнимая его, – Сергей, покайся, да и будет тебе. Как поживаешь, дружище? Аллилуйя». Сергей пригляделся и ахнул, на него в упор смотрели веселые глаза Игоря Бровкина, который сразу после командировки уволился из милиции и ушел воевать по контракту. Теперь в этом располневшем, ударившемся в религию парне трудно было узнать того худенького пацана...

А на блокпосту продолжалась жизнь. Однажды в Чечню попытались завезти фуру с крепкими спиртными напитками, а попросту с водкой. Таможенники свободной Ичкерии вовремя пресекли попытку и на глазах у наших парней били бутылки и сливали водку в арык. Представляете реакцию нормального русского человека? Как у Юрия Никулина в фильме «Операция Ы». «Пол-литра вдребезги? Да я тебя...»

Один из таможенников, которого звали Магомед, признал в Ришате Валееве единоверца и проникся к нему искренней симпатией. Так вот: «Ришат, тебе надо?» – крикнул он Валееву, показывая бутылку с водкой.

– Давай, коли не жалко. – Ришат пожал плечами.

– Держи! – И Магомед одну за другой кинул Ришату две бутылки напитка, которые тот ловко поймал и спрятал под бронезилет.

Через час Валеев сменился с поста и употребил белый чай со своими боевыми товарищами. Но не таков был Мага. Вечером у костра он решил проверить, насколько у его мусульманского брата сильна вера.

– Ришат, – спросил он, – я тебе сегодня водку давал. Где она?

– Да, вначале, Мага, хотел я ее выпить, – не моргнув глазом, отвечает наш татарин, – а потом вспомнил, что нам про нее мулла в мечети говорил, и вылил ее в арык.

– Ты молодец, Ришат, – у Маги даже глаза заблестели от таких речей, – я тебе завтра суры из Корана принесу почитать.

– Приноси, – и Ришат весело сощурился, – только если еще водку или там вино повезут, ты мне отдавай – я их опять вылью...

У деда-хохла на подворье было много живности. Одних собак штук пять. Но один из них: то ли чистый немец, то ли помесь немецкой овчарки с дворянином – всей душой привязался к людям в военной форме. Звали его Джек. Собака была умнейшая. Особенно любил Джек кататься в кузове «Урала». Бывало, только заведется движок, он прыг в кузов, и никакими калачами его оттуда не выманишь. Сначала пробовали выкидывать его, а он прыг назад – и рычит. Потом плюнули, да пусть ездит – жалко, что ли?

А вечером только солнце утонуло в степи и на землю опускалась вечерняя прохлада, по глади озера подплывало к берегу лохнесское чудовище. Маша – собственной персоной. Волгоградец не соврал, была она совсем ручной, правда, сначала дней пять привыкала к новым людям, но потом, попривыкнув, выбиралась на берег, становилась на задние лапки, передние складывала на груди и смотрела на людей черными бусинками-глазками. Типа, чего смотрите? Давайте мне мой доппай! Причем ела нутрия только хлеб. Пробовали давать ей и тушенку, и рыбу. Бесплезно! Когда не было хлеба, Маша с удовольствием уплетала сухари. Возьмет его передними лапками, размочит в воде и жует. Под конец командировки она настолько осмелела, что загорала вместе с ребятами и позволяла желающим фотографироваться со своей вип-персоной.

Ежедневно Сергей привозил из Кизляра по десять килограммов огурцов и помидоров, много зелени и шесть литров сметаны. Салаты выходили на славу. Ребята с блокпоста снабжали основную группу арбузами и дынями. Снабженцы, у которых омовцы получали продукты, не обижали парней. Колбаса, консервы, яйца, сыр, масло не переводились. Короче, не жизнь, а малина. Единственное, что поражало, – это количество съедаемого чеснока. Может, молодые и дикорастущие организмы требовали этого природного антибиотика, а может, парни отъедались чесноком вдали от жен и боевых подруг. Приехав из Кизляра, от длительного нахождения на жаре Сергей с водителем Ленкой Брянским вначале полчаса отмокали в озере, затем пили холодный компот, который повар специально для них убирал в холодильник, и только потом возвращались к полноценной жизни.

Однажды в отряд приехали оружейники из группы оперативного управления с проверкой. Как хранится и используется боевое вооружение в липецком отряде? Нет ли каких нарушений? Командир отряда Миронов вызвал к себе Сергея и Саню Слободина.

– Я сам-то не пью, – сказал он офицерам, – а вы возьмите водочки, скажите поваренку – пусть поляну накроет. Да и посидите с проверяющими.

Неформальное общение вышло на славу. Проверяющие оказались мировыми парнями, проверять они ничего не стали и пообещали, что справка о проверке будет положительной. К липчанам вопросов нет. Да и глупо было бы после всего съеденного и выпитого. И только когда Сергей с Саней неуверенной походкой заходили в барак, подполковник Миронов, зло глядя на них, кинул: «Замахали вы уже бухать, алкаши!»

Что было ему ответить? В следующий раз, товарищ подполковник, пусть твоя печенка отряду послужит.

Как-то в гости к хозяину фермерского хозяйства приехали родственники из Кизляра. Приехали они не просто так, а порыбачить. С собою родственники привезли около пятисот метров огромных донных сетей.

– Ребята, помогите моим, – сказал омовцам дед-хохол, – им одним не справиться, а рыбу пополам поделите.

Такой интересной рыбалки Сергей никогда не видел. Люди встали по берегам озера, взяли сети, ко дну которых были привязаны тяжелые валуны, и, как бурлаки на Волге, потащили сети через все озеро. Улов был ошеломляющим. Омовцам достались два сома килограммов по пятнадцать, четыре толстолобика, вес которых определить не удалось, потому что

дедовы весы больше двадцати килограммов не показывали. А более мелкой рыбы попало около двух центнеров. Рыбу тут же почистили и сварили, но съесть всю ее не смогли, половину оставили на завтрашний день, но из-за невыносимого зноя наутро она испортилась. Местная живность ела от пуза весь следующий день. Маленький рыжий котенок, всеобщий любимец, два дня икал и ходил, пошатываясь, не отвечая на ласки. Обожрамшись.

Шел двадцать седьмой день командировки. Сергей, умывшись холодной водой, протер тыльной стороной ладони красные от бессонной ночи глаза. На ближайшие сутки пришла его очередь заступить ответственным по отряду. Ночь прошла спокойно. Утром надо было в первую очередь разбудить водителя и смену, заступающую на блокпост. Сегодня должен был пройти пересменок на трассе.

Сергей вошел в расположение. Ленкина кровать стояла у окна, сам Леонид, разбросав руки в разные стороны, спал, улыбаясь во сне, как ребенок. «Даже будить жалко», – подумал про себя Сергей, но делать нечего, он тихонько потряс Леню за плечо:

– Лень, вставай, дружище, пора!

– А? Что? Утро уже, что ли? – и Леня, повернув голову, посмотрел в окно, завешенное марлей от комаров. – Утро, – утвердительно сказал он себе и, откинув одним движением одеяло, схватил полотенце и побежал к озеру.

Помощником на эти сутки к Сергею был назначен младший сержант Андрей Половников, который, в свою очередь, разбудил ребят из взвода, заступающего на смену.

Солнце всходило из-за степи, его блики красиво плясали на глади озера. Ребята, как дельфины, резвились и дурачились в воде, прыгая и ныряя, а вынырнув, отфыркивались и хохотали. Сон с Сергея как рукой сняло, он, улыбаясь, смотрел на ребят, и сердце его наполнялось нежностью и симпатией к этим парням, которые за сотни километров от дома, несмотря на невзгоды и трудности, не теряют самообладания и просто выполняют свою тяжелую и неблагодарную работу.

Наскоро позавтракав, ребята оделись по форме и построились. Проводить инструктаж встал командир роты Саня Слободин. Запрыгнув в кузов «Урала», парни ошетинились в разные стороны стволами оружия, и только Джек, раньше всех запрыгнувший в кузов, весело махая хвостом, заливался счастливым лаем.

«Урал» взревел и начал сдавать назад. Ленька Брянский, лихо развернув машину на пятачке, что-то весело крикнул Сергею.

– А, что? Не слышу! – крикнул ему Сергей.

Ленька махнул рукой, «потом» – прочитал Сергей по губам, и «Урал», обдав Сергея запахом солярки, поехал по степи, и только облако пыли, клубящееся в поле, указывало на его движение.

Командир отряда Миронов, как всегда, встав раньше всех, раскуривал на крылечке свою первую сигарету. Сергей, подойдя к нему и сев рядом, подкурил у подполковника.

– Давно наши уехали? – спросил Миронов у Сергея.

– Минут двадцать назад, скоро смена должна вернуться.

В этот момент далеко в степи раздался глухой взрыв, и в небо взметнулся столб пыли.

– Что это? – Сергей смотрел на Миронова.

– Там Тарумовский райотдел милиции на блокпосту закреплен, – как бы про себя сказал командир. – Отряд в ружье, тревога! – громко прокричал он.

Отряд собрался и построился в мгновение ока. Парни стояли в строю, готовые прийти на помощь своим дагестанским братьям. Взгляды источали решимость и спокойствие.

В это время в степи произошло какое-то движение. Все, прищурив глаза, всматривались в даль. К расположению отряда во все лопатки летел Джек. Подбежав к людям, он, скуля, начал тыкаться мордой в колени и руки.

Миронов, нагнувшись, взял в ладони морду собаки. На лапах Джека была кровь.

– Слободин, бери с собой отделение и быстро со мной. Семенов, хватай сумку с медикаментами и тоже с нами, быстро! – прокричал он.

Отделение рассредоточилось цепью. Омоновцы шли, оглядываясь по сторонам, по гладкой как стол степи. И только верблюжья колючка цеплялась за камуфляжную форму. В ложбинке, уткнувшись капотом в сопку, стоял подорванный «Урал». Тишина била по ушам. Рядом с открытой водительской дверью, неловко поджав под себя ноги, на левом боку лежал Леня Брянский. Руки его были подняты вверх, как будто в последнее мгновение он увидел опасность и пытался укрыться от нее руками. Вся дверка была залита Лениной кровью. И все. Больше никого.

Миронов сел на землю и обхватил голову руками.

– Неужели остальные в плен попали? – Он поднял на Сергея постаревшее лицо. – Ведь еще восемь человек в кузове ехали!

– Товарищ подполковник, тут записка на земле камнем прижата, – к командиру уже бежал Ришат Валеев.

«Есть раненые. Отошли к Дагестанскому блокпосту», – было нацарапано на клочке бумаги.

Миронов поднес к губам рацию:

– Берег, ответь Днепру.

– Берег на связи, – прокаркала радиостанция.

– Передай в центр: машина подорвана, водитель убит.

На месте подрыва еще курилась воронка. От нее шли мотки проводов к близлежащей высотке. Слободин с двумя бойцами пошел по проводам. На высотке омоновцами были найдены: пустой мешок, две обертки от «Сникерсов», подрывная машинка и включенная радиостанция со сканером, как будто с издевкой, все переговоры в эфире прослушивались бандитами. Расчет был на то, что, спускаясь с косогора, водитель поддаст газу, взрыв должен был произойти под кузовом – и тогда восемь трупов. Увидел ли фугас Леня или что-то почувствовал, но факт остается фактом. В самый последний момент он притормозил, и массивная кабина «Урала» приняла весь удар на себя. Предательский осколок прошел через пол кабины и попал Лене в голову. Рядом с ним, на коробке передач, сидел прапорщик Саня Сергеев, на пассажирском месте лейтенант Олег Иванов.

Саню сильно контузило и посекло осколками, Олег получил осколок в задницу, у него был задет седалищный нерв, потом он длительно лечился, не мог долго сидеть или стоять.

А Саня Сергеев до конца командировки боялся садиться в кабину автомобиля. Остальные сотрудники были сильно контужены. Вот так ценой собственной жизни Леня Брянский подарил ее другим.

Впоследствии омоновцы узнали, что подрыв машины Липецкого ОМОНа совпал с выпускком в школе подрывников черного араба – Хаттаба. Это у них был выпускной экзамен. На календаре стояло число – 22 июня.

На следующий день в отряд прибыл командир ОМОНа майор Атаманов. Вечером, собрав всех офицеров на оперативку, он, имея огромный опыт нахождения в служебных командировках, постановил: первое – менять смену на блокпосту по рваному графику, то есть бессистемно, второе – по одной и той же колее два раза не ездить, благо ландшафт этому способствует, и третье – впереди машины выпускать инженерную разведку.

– Все, парни, оставайтесь с Богом, – сказал командир, обняв на прощанье каждого из офицеров.

Атаманов увез с собой тело погибшего Брянского и раненого Олега Иванова. Остальные сотрудники, пострадавшие при террористическом акте, уехать отказались наотрез и остались нести службу дальше.

Командировка тем временем шла своим чередом. Как-то к Сергею подошли двое бойцов.

– Алексеич, там казак какой-то из Кизляра приехал, вино привез на продажу. Иди, попробуй. Командир на совещание уехал. Ты вроде как за старшего.

Сергей подошел к посту. Из припаркованных рядом с ним «Жигулей» к Сергею шагнул высокий немолодой человек с пышными соломенными усами.

– Здравствуйте, – человек протягивал Сергею руку, – меня зовут Володин Алексей. Я служу в казачьей управе Кизляра.

– Понятно, – Сергей пожал руку Володина, – а это что? – Он кивнул на две огромные канистры, прижавшиеся внутри автомобиля, на месте снятого заднего сиденья.

– Да я по этому поводу и приехал, – улыбнулся казак, – я виноделием занимаюсь. Свой виноградник имею. И отец мой этим занимался, и дед. Попробуй, командир, я недорого продаю. Тут две канистры: в одной вино холодное – из погреба, в другой теплое – оно на солнце стояло. Отведай из обеих.

Володин достал из бардачка литровую алюминиевую кружку. Налил вначале из одной канистры. Сергей поднес кружку к губам. На него, облизывая сухие губы, напряженно смотрели двое бойцов.

С первым глотком Сергей почувствовал, как живительная влага разливается по телу. Хмеля никакого не чувствовалось, как будто это был виноградный сок. Ничего вкуснее раньше Сергей не пробовал. Выпив кружку и крикнув, он вытер губы тыльной стороной ладони. Но ему уже протягивали эту же кружку, налитую из другой канистры.

– А это холодное, из погреба.

Сергей повторил процедуру. Кивнул головой и пошел в расположение.

– Можно брать, парни, вино отличное.

Две канистры были раскуплены в течение десяти минут, казак еще дважды уезжал в город и привозил новые партии. Сергей тоже купил домой шесть литров вина, которое называлось по сорту винограда «Ркацители».

Инженерную разведку проводили по трое человек. Впереди машины сотрудники рассредоточивались веером и медленно шли, внимательно глядя под ноги. За ними неспешно ехал «Урал». И только Игорь Бровкин – Человек-война, – выпрыгнув из кузова, быстро бежал по дороге, может, в кино видел нечто подобное, а может, просто боялся и решил для себя, что так безопаснее. Он несся по полю, а ему вдогонку летели веселые возгласы: «Беги, Форест!»

На месте гибели Лени ребята поставили большой крест из сосновых слег, и, уезжая домой, они долго стояли, сняв береты и низко опустив головы, отдавая дань уважения своему боевому товарищу. Теплый летний ветер качал ковыль и пел печальные заунывные песни о славном воине Леониде Брянском, до конца исполнившем свой служебный долг.

Поезд, фыркнув и выпустив облако пара, остановился на перроне. Встречающих было очень много. Сергей напряженно вглядывался, ища взглядом родные лица. По перрону вокзала шла эффектная девушка в белой футболке и голубых джинсах. «Ого, какие у нас в Липецке девчонки красивые», – подумал про себя Сергей. Девушка оглянулась по сторонам, встретилась с ним взглядом и улыбнулась. Сердце Сергея ушло в пятки. Это была Эля. Он быстро выскочил из вагона и уже обнимал свою красавицу жену смотрел на нее и не мог насмотреться. Рядом с визгом, уткнувшись ему в колени, прыгал Олежка – сын.

– Ты чего так похудела, мать? Может, приболела? – Сергей участливо смотрел на жену.

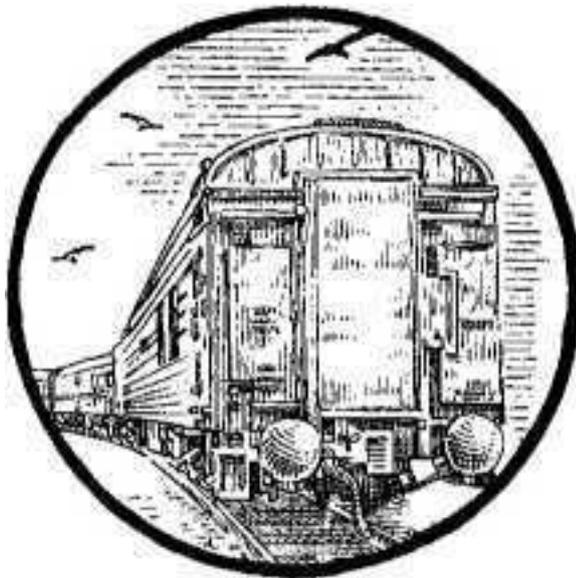
– Да, жарко этим летом. И по тебе соскучилась. – Эля уткнулась в плечо мужа.

– Папа, папа, там дома уже все собрались. И дядя Глеб с тетей Галей, бабушка Вера, дед Коля, баба Нина. Тебя ждут. А ты мне чего привез? – Олежка крутился под ногами, пытаясь подпрыгнуть и обнять Сергея.

– Привез, привез, брат. Никто без подарков не останется, – Сергей обнимал сына, подбрасывая его кверху, – я мамке целый мешок воблы привез, она ее любит.

Эля счастливо улыбалась, ее глаза сияли. Кто-нибудь, глядя со стороны на этих людей, решил бы, что нет никого на свете счастливее их. Да так оно и было.

Не было на перроне только многочисленных родственников Лени. Некого было им встречать...

1999 г. Алик Белов

Лето в том году выдалось очень жарким. Асфальт плавился. Весь город на выходных скапливался на реках, прудах и других водоемах. Зной клубился в воздухе, а у воды можно было насладиться прохладой. Сергей с Элей расположились на пляже под раскидистыми ветвями большого вяза. Сергей поднял голову и осмотрелся по сторонам. Олешка в ярко-салатовой бейсболке крутился у воды с другими ребятами.

Сергей достал баклажку пива и отхлебнул глоточек. Эля переворачивалась с живота на спину и занималась своим любимым делом – принимала солнечные ванны.

Вдруг невдалеке у выезда с пляжа раздался специфический визг тормозов, такой звук издавал только милицейский ПМГ.

Сергей повернул голову и внимательно огляделся по сторонам, может, случилось чего? Но пляж жил своей жизнью: вокруг загорали, купались, играли в карты, перекусывали, малыши с визгом и хохотом бросались в воду. Никакого постороннего шума.

– Сереж, это не ваши? – Эля с тревогой смотрела в ту сторону, поднеся руку козырьком к глазам.

– Да, похоже, наши парни.

На дверце милицейского «уазика», выкрашенного в желто-синие цвета, были нарисованы черный щит с мечом, под ними красовалась надпись – ОМОН.

Из машины вышел дежурный по отряду старлей Ванька Бокарев и начал оглядываться по сторонам.

– Вань, что случилось? – спросил Сергей, подходя к автомобилю.

– О, Серый, хорошо, что подошел, а то солнце в глаза, ничего не вижу. Да и как тут кого-нибудь разглядеть в такой толпе. Собирайся, дружище, и мухой дуй на базу. У нас тревога.

– Не знаешь, что там?

– Вроде бы шифротелеграмма из Москвы пришла, объявили шестичасовую боевую готовность. Начали по телефонам звонить, да разве кто в выходные дома будет сидеть? Вот командир и разослал дежурные машины по всем пляжам и паркам города. Здесь наших не видел?

– Как же! Там на солдатском пляже за трубой Женька Свешников и Юрка Данилов, а на островке Борька Иванов с женой и детишками. Хочешь, я на островок сгоняю, пока ты ребят на солдатском пляже искать будешь?

– Нет, Серега. На островок я водителя пошлю, а ты давай на базу, там офицеры в первую очередь нужны – собирать свой личный состав.

Сергей подошел к жене, которая по его встревоженному виду уже все поняла и сворачивала пляжные полотенца.

– Чего там, Сереж?

– Не получился у нас уик-энд, мать. Собирай пацана – и домой. Подготовишь мне вещмешок. Все как обычно. Не в первый раз.

– Покушать купить?

– Возьми, а то вдруг не успею. В дороге пригодится. Видно, что-то серьезное случилось.

Сергей поцеловал жену и, прыгая на одной ноге, долго не мог попасть в штанину.

На базе ОМОН собралось уже много ребят. То и дело приезжали машины, привозя кого-нибудь из парней. Все были легко одеты. Ясно: кого забрали с пляжа, кого с дачи.

Офицеры смотрели новости по телевизору. На голубом экране мелькали невеселые кадры: незаконные бандитские формирования Хаттаба и Басаева вторглись в кадарскую зону Республики Дагестан и завладели селами Карамахи, Чабанмахи, Рахатта.

Сергей встретился взглядом с Саней Слободным.

– Где-то там и мои Войска Дяди Васи хлопочут. – Саня нервно закурил.

Сергей вдруг увидел своего одноклассника Алика Белова.

– Привет, Альый. А ты здесь какими судьбами?

– Какими и ты, – Алик поправил дужки очков, – меня к вам медиком прикомандировали.

Вообще-то не я должен был ехать, не моя очередь. Но меня вот быстрее всех нашли! – Алик неловко улыбнулся, как будто считая себя виноватым, что не уехал на выходные из города.

В школе Алик был тихим отличником. В старших классах особо ничем не выделялся. На улице не гулял, в общих шалостях не участвовал. Все знали, что он мечтает быть врачом и усиленно готовится к поступлению в медицинский институт, где уже два года на лечебном факультете училась его старшая сестра Варвара.

Так как Алик пошел учиться с шести лет, был он на полгода младше остальных одноклассников, меньше всех ростом, близорук, но очки носить стеснялся, поэтому садился всегда за первую парту Его рыжая шевелюра, как маячок, светилась всегда рядом с учительским столом. Отец его был дальнобойщиком, поэтому зачастую его не было дома. Все хозяйство и воспитание детей было возложено на мать Алика, тетю Веру. Она каждый день провожала и встречала его из школы, была активным членом родительского комитета и осуществляла над Аликом тотальный контроль.

Потом пути Алика и Сергея разошлись, но от одноклассников Сергей слышал, что Альберт без труда поступил в Воронежский медицинский институт как золотой медалист, сдав один экзамен на пятерку.

Встретив Алика через несколько лет в поликлинике УВД, Сергей был сражен переменами, произошедшими с его одноклассником. От его рыжей шевелюры не осталось и следа. На Сергея сверху вниз смотрел черноволосый богатырь, про которого можно было сказать: косая сажень в плечах. Вот только мягкий взгляд и очки на переносице говорили о его интеллигентной натуре. Алик занимал должность хирурга, причем от его коллег Сергей слышал, что Белов – врач от Бога. Он мог найти общий язык с любыми пациентами, даже с пожилыми людьми и высоким начальством. Что, согласитесь, дорогого стоит и не каждому под силу.

Отряд, построившись, ждал появления командира. Атаманов, нервно бросив в урну окурок, вышел к ребятам.

– Становись, – раздалась команда, – равняйся, смирно, равнение на середину.

К командиру четким строевым шагом шел его заместитель майор Маликов и, подойдя на положенное расстояние, произнес: «Товарищ подполковник...»

Но Атаманов оборвал его доклад взмахом руки, повернувшись к строю, сказал просто:

– Вот какие дела, парни: уезжаем в командировку в Дагестан. На сборы всем три часа.

Командирам подразделений сформировать резерв, вдруг кто-нибудь опоздает. В 17:00 всем в форме стоять здесь же на плацу. Командиром сводного отряда назначен начальник штаба ОМОН подполковник милиции Звонарев. Все организационные вопросы – к нему.

– Аркадий Иванович, – раздался голос из строя, – за три часа не успеем собраться.

– Я все понимаю, парни, надо успеть. Если чего-нибудь купить не успеете, выделим время на покупки либо в дороге, либо на месте.

Ребята разошлись готовиться к командировке.

– Сереж, – услышал у себя за спиной голос Алика Сергей.

– Чего, Альый? – Сергей обернулся.

– Сереж, можно я из твоего кабинета сестре позвоню?

– Валяй, какие проблемы?

Алик, набрав нужный номер, откашлялся, прикрыв трубку ладошкой.

– Варь, привет, это я. Варь, я в командировку уезжаю. Да. В Дагестан.

Трубка в ответ что-то прошуршала.

– Я знаю, Варь, что только недавно вернулся. Больше никому. Кто, если не я? – Алик виновато улыбнулся. – Ты только родителям ничего не говори, особенно матери. Знаешь ведь, какая она у нас. Я сам по приезде оттуда с места им позвоню. Ну, все. Пока.

Алик положил трубку.

– Сереж, у тебя какого-нибудь камуфляжа нет? А то у меня форма только синяя милицйская.

– Есть. Выделю тебе, братан, шикарный «склон» итальянский. Он мне как раз великоват немного – Сергей хлопнул Алика по плечу.

Алик, просияв, отправился паковать вещи и готовиться к командировке, которая сделает его героем в памяти поколений, но отнимет у него самую малость – жизнь.

Винты транспортного самолета громко гудели, и поэтому, чтобы что-нибудь расслышать, приходилось кричать друг другу в самое ухо. Проходивший мимо ребят Трофим Лямин весело рассмеялся: «Ну, ты, Пилюлькин, даешь! Главное, весь отряд построился, а он в строю стоит в белых кроссовках. У генерала чуть глаза на лоб не вылезли! Я думал – он в обморок упадет. Ты бы еще белые тапочки нацепил!» – и Трофим пошел дальше по салону, там где-то из задней части самолета слышался приятный водочный запах.

– Я думал, ничего страшного. В командировках все так ходят. – Алик поднял взгляд на Сергея.

– Да, это моя вина, Алик, не предупредил я тебя. В командировке одно дело – ходи как тебе удобно. А вот у себя в городе: при отъезде, при возвращении – будь добр, встань в строй по форме – отглаженный, начищенный. Даже можно до синевы выбритым и слегка пьяным. Только не наоборот.

Алик рассмеялся.

– В горах в кроссовках поудобней будет, – продолжал Сергей, – хотя кому как. Верцы фиксируют ногу почти по всей голени, а там живых камней много. Так что в берцах, дружище, меньше риска ногу подвернуть или вывихнуть. Кому как не тебе, хирургу, это должно быть понятно.

Неподалеку от Алика с Сергеем сидели ребята из Воронежского ОМОНа. Когда самолет набрал высоту и гул турбин перешел в тихий свист, из воронежской части послышались аккорды гитарных струн и пение. Несколько парней выводили красивыми голосами песню. Сергей прислушался.

«Транспортный самолет, вскинута апорель – полной загрузки ждет выдохшийся апрель, сводный отряд ОМОН прибыл в Махачкалу, раненый батальон изрешечен в бою, домой летит ОМОН, горы запомнят нас, сводный отряд ОМОН – выполненный приказ», – пели ребята.

Да, до дома было еще очень далеко. Но борт приземлился именно в Махачкале, как в песне.

Подполковник милиции Звонарев, или просто Палыч, как его называли ребята, построил отряд и довел до сведения, что отряд делится на две равные части, половина будет нести службу в поселке Дылым Казбекского района, а вторая часть – в селе Новолакское Новолакского района Дагестана. Но это завтра, а сегодня всем отдыхать, тем же, кто не успел купить необходимое, дается время сделать покупки.

Иван Павлович Звонарев – начальник штаба отряда – был из тех, кого называли отцом-командиром. Был он высокого роста, сухопар, черен, как цыган, и очень отзывчив. Человеком он был прекрасным, к своим подчиненным требовательным, но в обиду их не давал никому. В милиции Палыч прослужил уже двадцать с гаком годков, но сохранил юношескую натуру и тонкое чувство юмора. В отряде его любили, а в нарды Палыча обыграть не мог никто.

Отношение местного населения к военным поразило Сергея до глубины души. Старуха даргинка, торговавшая на рынке, наотрез отказалась брать с ребят деньги: «Возьмите так чего надо, солдатики. Ничего мне не надо. Вы сюда приехали меня защищать», – сказала она омовцам. На улицах гражданские люди подходили к ребятам и засовывали в карманы деньги, если кто-нибудь отказывался, то очень обижались и рвали купюры на части.

Ночевали на взлетной полосе. Расстелили спальники, укрылись фланелевыми простынями, выставив по периметру боевое охранение. Не расслабляться ни при каких условиях – девиз всех отрядов особого назначения, а особенно, если в пятидесяти километрах к югу громыкает война. Спать было невозможно – за день асфальт на взлетке раскалился докрасна. Когда же на землю опустилась ночная прохлада, от него пошли испарения. Чувство было такое, что находишься в сауне. Сергей, проворочавшись полночи с боку на бок, махнул на сон рукой и, поднявшись, пошел проверять посты – время дежурства было его боевого взвода. На первом посту службу нес Вадим Вахромеев – детина двухметрового роста. Сергей, увидев его богатырскую фигуру, улыбнулся, вспомнив смешной случай из жизни Вадима.

Вадим Вахромеев

А дело было так: в начале девяностых годов, во время первой чеченской, сотрудники ОМОН круглосуточно дежурили на всех въездных блокпостах в город. Два сотрудника дорожно-патрульной службы ГАИ и один омоновец – наряд на КПП. В то время существовало такое правило: омоновец прикрывает гаишников, а те досматривают транспорт. Причем в обязанности последних входило плотно накормить своего боевого товарища. Проедет хлебовозка – скинет пару батонов, повезут молоко – отольют трехлитровую баночку, пропылит старенький «газончик» с мясокомбината – опять же пара палок колбасы для любимых инспекторов. Кто ж с ними ссориться хочет? Они тут каждый день стоят, а ты каждый день здесь ездешь.

Вадим заступил на КПП с вечера, ближе к полуночи дэпээсники погнались за машиной, которая проехала через блокпост и не пожелала остановиться. Прошло уже около сорока минут, а их все не было на месте. Вадим нес службу в одиночку, важно прохаживаясь вдоль поста. Через пять минут его желудок начал прилипать к позвоночнику. А еще через пару минут он понял – сейчас он упадет в голодный обморок, а потом наступит мучительная смерть. Он даже поежился, так ему стало неприятно. В его планы не входило погибнуть во цвете лет. Вадим начал оглядываться по сторонам, ища глазами мимо проходящий транспорт – авось у водителя в багажнике заваляется маленький кусочек салца. В животе у Вадима заурчало, он принял это как руководство к действию. Как назло, дорога умерла – никакой даже самый маленький и плюгавенький «Запорожец» не пылил по ней. Вадим почувствовал, как у него закружилась голова, и понял – началось. Он вышел на середину дороги, посмотрел направо, потом налево – никого. И вдруг, о счастье, со стороны дамбы упали на шоссе лучи дальнего света большегруза. Вадик пошел ему навстречу, сигнализируя автоматом – водитель, стой. Водитель фуры оказался простым эстонским парнем и, так как от природы был законопослушным гражданином, принял вправо, остановился и приготовился предъявить сотруднику милиции права, ПТС и транспортную накладную.

– Сало есть? – ошаршил его Вадим.

Возникла довольно длительная пауза – файлы эстонца не сходились.

– Сало есть? Я тебя спрашиваю! – повторил свой вопрос Вахромеев.

– Сал-ла нъет, есть тол-лько кур-ра! – пробормотал водитель.

– Давай, – рявкнул Вадик и, получив банку консервов, махнул рукой, – проезжай.

Эстонец, ничего не поняв, нажал на гашетку и продолжал путь, думая: «Что же это за страна такая? Где все знают про военную тайну, но никогда не поймут буржуины, в чем она».

Валька Топорков

Проверив Вахромеева, который бдил как положено, Сергей направился на другой пост, где стоял его хороший приятель – милиционер-водитель Валька Топорков. Валентин дремал, обняв автомат и присев на бугорок, поросший верблюжьей колючкой.

– Спим? – спросил Сергей, подойдя и присев рядом.

– Да, доктор, испытываю проблемы со сном: правда, вечером ложусь рано, утром встаю поздно, но весь день ворочаюсь и не могу уснуть. – И Валька весело рассмеялся.

Валентин Топорков был невысок ростом, сухощав как мальчишка, коротко подстрижен. Улыбка не сходила с его лица, а серые жизнерадостные глаза постоянно таили усмешку. Сергей подружился с Валентином на почве меломании. Оба с упоением слушали «Роксетт» и песни группы «Воскресение». Валька в любой ситуации что-нибудь напевал и был готов схохмить в любую секунду.

Как-то, патрулируя на автомобиле, водителем которого был Топорков, по городу, Сергей услышал в эфире позывной одного из райотделов милиции.

– Я «Нева», я «Нева», кто из патрульных автомобилей находится недалеко от проспекта Мира?

– «Бархан» на связи, мы недалеко, что случилось? – ответил Сергей в рацию, думая, что совершено какое-нибудь дерзкое преступление.

– «Бархан!» – обрадованно заскрипела рация. – Срочно проехайте по адресу: Мира, дом 7, там на чердаке кто-то топаёт и хлопает.

Валентин, находясь за рулем, покатился со смеху, ему даже пришлось притормозить и продышаться. Он взял рацию и ответил:

– А может, это полтергейст?

В эфире возникла пауза, после чего рация ответила:

– Если не хотите, не ехайте, зачем же непонятными словами обзывать? Щас позвоню вашему командиру и пожалуюсь на вас. Правильно вас все гоблинами зовут.

Тем же летом Сергей со своими товарищами был направлен в командировку в один из районов, который находился на стыке трех областей. Проблема состояла в том, что в районе находилось много скотоводческих хозяйств. Гастролеры из соседних областей появлялись в коровниках и свинофермах под покровом ночи. Действовали очень дерзко и ловко. Уводили скот, причем были хорошо оснащены и исчезали как призраки.

Начальник местного райотдела милиции на оперативных совещаниях в управлении только руками разводил: «Уж чего мы только не придумывали, – горестно говорил он, – и засады на ночь выставляли, и на усиленный вариант несения службы переходили, устраивали беседы с местным населением, чтоб помощь оказывали. Все напрасно. Они в другом месте появляются. Как чувствуют».

– Чувствуют, говоришь, – генерал чиркнул зажигалкой, поднеся ее к сигарете, – а может, кто из твоих их координирует?

– Нет, товарищ генерал, я в своих людях уверен. Разброс хозяйств очень большой, а сотрудников у меня не густо.

– Понятно, если не густо – поможем, – и, обращаясь к Атаманову, генерал сказал: – Аркадий Иванович, записывай: выделить патрульный автомобиль и наряд милиции, состоящий из офицеров, в количестве пяти человек. Пусть неделю колесят по району, а гастролеров этих изпод земли достанут. – Затем, повернувшись к начальнику райотдела, продолжал: – А тебе, мил друг, обеспечить их бензином, жильем и питанием.

– Что вы, товарищ генерал, встретим и разместим как родных. Только пусть ребята постараются, мы в долгу не останемся, – обрадовался тот.

Машина быстро несется по направлению к Кобринскому району, Валька Топорков, крутя баранку, опять что-то напевает. Сергей назначен старшим группы, он сидит рядом с водителем, на заднем сиденье дремлют еще трое офицеров.

Работали омовцы по ночам, днем отсыпались. Колесили по всем дорогам и весям, останавливали и досматривали транспорт, особенно грузовой, проверяли охранников на фермах.

– Дык чо, робяты? – говорил пожилой скотник, прикрывая рот заскорузлой натруженной ладонью с грязными ногтями. – Нам, почитай, третий месяц зарплату не платят. Чо ж, умирать на работе?

– Однако, отец, на выпить водки у тебя денег хватает, – говорил ему Валька.

– Простого человека всяк обидеть может, – говорил скотник и обиженно отворачивал голову, – вам по службе положено, вы этих ворюг и ищите.

И ребята искали, за четыре дня было раскрыто около семи преступлений: в отдел доставляли браконьеров, которые ловили рыбу электроудочкой.

Были такие лихие парни: от аккумулятора кидают два провода на специальное оборудование – и в воду Почиче, чем глушить. Рыбы, у которой от разряда лопался пузырь, всплывало много, но потом на этом месте вся живность восстанавливала жизнедеятельность только спустя несколько месяцев.

Доставляли большегрузы, перевозящие незаконно цветной и черный металл. Привозили пьяных дебоширов и мелких жуликов. Но гастролеров поймать не могли.

На пятый день командировки Валька проснулся, как обычно, первым. Потряс за плечо Олега Истрина.

– Вставай, Олежка, тебе Билл Клинтон звонил.

– Что? – ничего не понимая спросонок, бормочет Олег и, поняв, что Валька подтрунивает над ним, улыбается. – Валь, лучше метнись и приготовь Кофи Ананд.

– Есть такое дело. – Валька, быстро встав, почапал на кухню.

Все проснулись, вместе сидят и пьют черный как смоль кофе, заедая его бутербродами с колбасой.

– Пацаны, а у меня ведь нынче день рождения, – отхлебывая горячий кофе, говорит Валька.

– Чо, правда? – вскакивает со стула Олег Истрин. – И сколько стукнуло?

– Двадцать семь. – Валентин пожал плечами.

– Отставить бутерброды, – Сергей решительно хлопнул себя ладонью, – план такой: Валентин, заводи машину, с Юркой дуете за продуктами, я с остальными готовлю место.

Место для празднования дня рождения выбрали очень живописное. На берегу озера.

Готовили шашлык, пели песни, поздравляли Вальку. Он вытащил магнитофон из машины и включил на всю катушку свой любимый «Роксетт». Спиртного не пили – Сергей запретил. Сегодня в ночь предстояло крайнее дежурство. Завтра пора было домой.

Вечером Валька повернул к Сергею счастливое раскрасневшееся лицо:

– Серег, всякие у меня дни рождения были, но такого веселого еще не было. Вот бы всегда так.

После 23:00 отделение на патрульном автомобиле выехало на охрану общественного порядка в районе.

Через три часа патрулирования автомобиль подъехал к одной из отдаленных ферм. Оставив машину на шоссе, парни выдвинулись в пеший патруль, чтобы незаметно проверить подступы к коровнику. Валентин остался в машине. «Слушай рацию», – сказал ему Сергей. «Да, че там может случиться, быстрее проверяйте сторожей, и поехали. Нам еще сегодня полрайона проколесить».

Парни тихо подходили к ферме, вдруг их внимание привлек грузовой автомобиль, стоящий в рощице, двигатель его негромко работал. За лобовым стеклом красным огоньком виднелась зажженная сигарета. Со стороны фермы слышалось громкое мычание.

– Так, парни, кажись, оно, – Сергей нервно поправил берет на голове, – машина никуда не денется. Олег Истрин – со мной. Мы заходим спереди. Дьяконов и Варварин, обходным маневром заходите сзади. Пока мы себя не обозначим – сидеть как мышки. В случае чего, прикроете.

Достав рацию, Сергей сказал:

– Валька, не спать – готовность номер один.

Сергей с Олегом тихо двинулись к ферме. Фонари не горели, только где-то внутри виден был приглушенный свет.

Омоновцы возникли как из-под земли.

– Всем на пол, руки за голову, работает ОМОН, – страшным голосом прокричал Олег.

Люди, которых оказалось трое, выводившие двух буренок, в ужасе попадали на землю. Такого развития событий они никак не ожидали. Только мычали, как объект их преступления, потеряв дар речи.

Сопrotивления никакого не оказывали и безропотно дали себя связать. На помощь подошли Дьяконов и Варварин. Когда выводили грабителей с фермы, раздался выстрел, дробь просвистела у ребят над головой. Грузовая машина резко газанула и взяла старт по узкоколейке.

– Ушел, мерзавец. – Олег доставал ПМ из кобуры.

Но тут на пути у грузовика возник ПМГ, Валентин включил проблесковые маячки и сирену. Водитель грузовика, выскочив из машины, бросил обрез в поле и попытался сделать ноги, но Валька быстро догнал его и, опрокинув на пашню, начал защелкивать на его запястьях наручники. Сергей, подбежав к нему на помощь, осветил лицо бандита карманным фонариком. На него со злостью смотрел их давешний знакомый скотник.

– Ну, вот и свиделись, батя. Я сразу тебе сказал: на выпить водки у тебя деньги есть. Но я отучу тебя от этой пагубной привычки лет на семь, – тяжело дыша, сказал ему Валька Топорков.

Новолакское

Вторую ночь омоновцы провели в спортзале Махачкалинского государственного университета. На третий день двадцать пять человек, во главе с подполковником Звонаревым, колонной уезжали в поселок Дылым.

Вторая половина отряда вертушкой была доставлена в село Новолакское. Старшим группы был назначен майор Слободин. Выгружая вещи из вертолета, Сергей обратил внимание, как из ущелья, находившегося неподалеку, дохнуло осенней сыростью. Со стороны села неслись другие запахи: спелых дынь, гари, кизяка и свежеспеченного лаваша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.